

Е. С. Лоскутова (Орёл)

МЕСТО И РОЛЬ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРАЗДНИЧНОЙ ЖИЗНИ ОФИЦЕРСТВА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

БАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА европейского образца начинает складываться в России ещё в начале XVIII в. Петровские преобразования коренным образом изменили не только экономику и социальную политику государства, но и повлияли на повседневную жизнь привилегированных слоёв общества. Именно при Петре I в нашей стране появляется ассамблея, прообраз бала, который станет одной из основных форм дворянской праздничной культуры вплоть до конца существования Российской империи и дворянства как сословия.

Следует подчеркнуть, что в XVIII в. петровские ассамблеи, а затем и балы-маскарады Елизаветы Петровны зачастую воспринимались дворянством как новые и нежелательные мероприятия, будучи обязательными вплоть до принудительности. Но для их потомков нахождение на балу стало не просто делом привычным, но и одним из любимых способов проведения свободного времени. Ю. М. Лотман отмечал, что «...бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе — областью непринуждённого общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. Присутствие дам, танцы, нормы светского общения вводили внеслужебные ценностные критерии, и юный поручик, ловко танцующий и умеющий смешить дам, мог почувствовать себя выше стареющего, побывавшего в сражении полковника. С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела»¹. Таким образом,

обучение бальному этикету и танцевальному искусству стало весьма актуально.

Уже с начала XIX в. двор российского императора становится одним из лучших в Европе, а лучшими танцорами считаются именно военные. В светской среде этого периода процветает дендизм, который был не чужд и военным — ведь в его основе лежит не столько внешнее подражание моде, выраженное в безукоризненности костюма, сколько сама манера его ношения, внутреннее благородство молодого человека, что бесспорно являлось важнейшим компонентом воспитания офицеров. О. Ю. Захарова отмечает, что «красота мундиров составляла важный элемент не только военных, но и светских церемоний, чей блеск во многом определяла гвардия, популярность которой выросла после Отечественной войны 1812 года»².

По случаю окончания Заграничного похода бальная лихорадка захлестнула обе российские столицы. Даже Москва, обычно испытывавшая недостаток в кавалерах, теперь, в начале 1815 г., по воспоминаниям современников, «плясала отчаянно». Трудно было представить, что два года назад Первопрестольная столица была разорена. «Воины повергают теперь свои лавры к стопам юных красавиц, которые, быть может, молились, чтобы они вышли целы и невредимы из боя». В Москве военные были повсюду, а потому московские невесты имели блестящую возможность сделать выгодную партию. На балах кавалеров больше, чем дам! На балу у князя Голицына было 18 дам и более 40 танцоров. Видя, что многие не танцуют, князь выдумал кадрили, где у каждой дамы — два кавалера»³.

В эпоху Николая I окончательно оформилась традиция проведения полковых праздников. Например, лейб-гвардии Кирасирский Её Величества полк праздновал его в Николин день 9 (22) мая, поскольку полковая церковь была освещена в честь Николая Чудотворца, он считался покровителем всех кирасиров на небесах. К полковому празднику готовились заранее, на него приглашались все бывшие полковые командиры и офицеры, служившие в полку, а также почётные гости — великие князья, генералы, высшее гвардейское начальство. Праздник начинался с молебна и церемониального марша, затем следовал торжественный обед, а завершался — концертом в манеже и ужином⁴. По случаю юбилейных дат в некоторых полках давались балы или танцевальные вечера.

Именно в николаевское время появляется строгая регламентация балов и танцевальных вечеров: «Светский этикет

строго различал правила проведения бала и танцевального вечера. Последний не требовал большого количества приглашённых, изысканных костюмов. Одинаково неприличным считался как городской костюм, так и бальный наряд. На эти вечера дамы наряжались лишь слегка. На балах не танцевали под рояль, а только под оркестр, причём лица, как говорили тогда, “средних лет”, не решавшиеся танцевать на балах, могли свободно делать это на вечерах, где почти всегда царила атмосфера простоты и веселья. Программа вечера зависела от личных пристрастий, вкусов, убеждений хозяев, каждый из которых собирал свое общество»⁵.

Постепенно бальные традиции проникали даже в среду гвардейских нижних чинов. Этому способствовало появление традиций уже не полковых, а эскадронных балов в некоторых кавалерийских полках, что с воодушевлением поддерживали офицеры. В лейб-гвардии Конногренадерском полку «часть казармы, из которой были вынесены койки, превратилась в танцевальный зал, украшенный гирляндами из хвои. Каждый солдат мог приглашать на бал своих знакомых дам. [...] Все офицеры во главе с эскадронным командиром присутствовали на балу и танцевали с приглашёнными солдатами барышнями — петергофскими горничными и кухарками»⁶. Особого внимания заслуживают здесь два момента. Первый — то, что многие солдаты, по крайней мере, в гвардейской кавалерии, вполне владели искусством бальных танцев. Второй факт еще многозначительнее: офицеры-дворяне несколько не чурались выступить галантными кавалерами перед низкородными дамами и танцевать с ними как с равными. Конечно, такое наблюдалось далеко не везде, но от этого не менее ценно. При этом в других полках гвардейской кавалерии, например, в более рафинированном лейб-гвардии Кирасирском Её Величества, эскадронные праздники ограничивались лишь солдатскими плясками под гармошку⁷.

Если в начале XIX в. обучение бальным танцам велось лишь в некоторых элитных учебных заведениях (например, в Императорском Царскосельском лицее, частных школах и иностранных пансионах), то к середине столетия оно стало обязательным во всех военно-учебных заведениях. Нередко танцевальному мастерству будущих офицеров уделялось не меньшее внимание, чем строевой подготовке. По воспоминаниям Д. А. Скалона, обучавшегося в 1852—1859 гг. в Первом Санкт-Петербургском кадетском корпусе, командир 2-й роты К. Н. Малиновский «добивался

в танцах такой же отчётливости в исполнении, как в строевых занятиях от ординарцев»⁸. В большинстве учебных заведений занятия танцами велись лишь между воспитанниками, поэтому юноши были вынуждены учить не только кавалерские партии, но и дамские, что порой приводило к возникновению весьма курьёзных случаев на балах. Например, выпускник Орловского Бахтина кадетского корпуса К. Ф. Кулябка, обучавшийся в нем в конце 1840-х гг., вспоминал: «...в праздничные дни были устраиваемы кадетские спектакли, живые картины и бывали балы, посещаемые цветом Орла. Воспитанники скоро сделались настоящими кавалерами, хотя ходил рассказ, что один кадет пригласил на лёгкий танец одну девицу и предложил, как ей угодно танцевать: за даму или за кавалера? Особое джентльменство слабо прививалось, так как очень мало воспитанников посещали свои дома за отдалённостью, плохими путями и краткосрочными отпусками»⁹.

Балы отличались многообразием и различались, прежде всего, по уровню их проведения: императорские, послов иностранных государств, губернаторские, предводителя губернского дворянства, а также частные, которые давались определённой дворянской семьёй. Особое место в бальной культуре занимали балы-маскарады, требовавшие не только подготовки особого костюма, но и дававшие возможность посетить его любому желающему даже без приглашения со стороны хозяев.

Придворные балы в императорских резиденциях проводились только для избранной публики. Для других привилегированных сословий в зданиях клубов и собраний организовывались публичные танцевальные вечера, в том числе и благотворительные. Частные балы имели свою классификацию и подразделялись на сословные, возрастные (взрослые, детские, смешанные), календарные, семейные (по случаю именин, дней рождений и прочих событий) и тематические. Круг приглашённых гостей на частный бал был ограниченным. На таких балах редко можно было встретить незнакомого человека, в основном это были члены семьи, хорошие знакомые, друзья, иногда приглашали и важных персон, чтобы придать вечеру статусность и представительность. На домашних балах отношения между гостями были свободными, дружескими. Здесь все хорошо друг друга знали и уважали. Старшее поколение не бравировало своим положением и возрастом, молодым девушкам не возбранялось на виду у всех общаться с кавалерами, дети наравне с взрослыми принимали участие в играх

и танцах. Домашние балы привносили в жизнь домочадцев и их друзей особую атмосферу радости, уюта и веселья¹⁰.

Самый строгий этикет соблюдался на придворных балах, присутствовать на нем могли лишь гражданские чины первых четырёх классов «Табели о рангах» с супругами, высший воинский состав, придворные, иностранные дипломаты с семьями, гости по личному приглашению императора или членов его семьи, губернаторы, предводители дворянства и позднее председатели земских управ, молодые офицеры из элитных полков, зарекомендовавшие себя ранее как умеющие хорошо танцевать. Кроме того, все имеющие право приехать на бал обязаны были заранее записаться в особом реестре у гофмаршала, а перед самим балом, в соответствии с придворным этикетом, мужчины должны были представиться императору, а дамы — императрице.

Открывал зимний сезон придворных балов Большой бал в Зимнем дворце в Николин день 6 (19) декабря. Он проводился в Белом зале и мог насчитывать до трёх тысяч гостей. Приехать на праздник могли лица, занимающие определённую ступень в «Табели о рангах» и имеющие право быть представленными императору и императрице. К этим лицам относились гражданские чины — до IV класса, которые имели право приезжать с жёнами и дочерьми, офицеры — до VII класса, свитские и бывшие фрейлины с мужьями. На этот бал и военным, и статским кавалерам полагалось являться в мундирах.

Не меньшим размахом отличался и большой январский бал в Зимнем дворце, на который ежегодно собиралось около двух тысяч гостей. «Здесь просто толпа народа — но толпа, конечно, блестящая, нарядная; белые по преимуществу платья дам, жемчуг и бриллианты их шейных и головных уборов перемешиваются с[о] звёздами, лентами и с мундирами штатских и военных; блеск эполетов и аксельбантов сливается с блеском залитых золотом и серебром мундиров придворных чинов и высших сановников. Вот в сплошь вышитом серебром мундире разговаривает министр иностранных дел, а с ним, расшитый золотым шитьём по всем швам своего мундира, стоит первый чин Двора. В красных бальных мундирах резко выделяются кавалергарды и конногвардейцы»¹¹, — писал журналист одной из петербургских газет.

Офицеры обязаны были являться на придворные балы в парадных мундирах, белых панталонах и белых перчатках. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д. Г. Колокольцев вспоминал:

«Во время больших балов во дворце, где обязательно было положительно находиться всем офицерам гвардии, в бальных формах того времени (*grand gala*)... Бальная форма того времени, хотя нас стесняла, но, надо правду сказать, казалась чрезвычайно элегантною. Эта бальная форма была установлена для всех офицеров всех оружий, кроме уланских и казачьих полков, которые и на парадных балах сохраняли свою форму. Бальная форма (*grand gala*), или торжественная, заключала, ежели гвардейский мундир, то с открытым лацканом; белые короткие до колена суконные панталоны; затем шёлковые чулки и башмаки с серебряными пряжками; шпага у бедра и треугольная шляпа в руках, у пехотных с чёрными, а у кавалерии с белыми перьями»¹².

«Выезды в свет представляли для молодых офицеров чуть ли не служебную обязанность, и каждый полк имел своих почти профессиональных танцоров»¹³, — вспоминал А. Д. Галахов, весьма информированный статский преподаватель Академии Генерального Штаба. Командиры полков, отправляя своих лучших танцоров на придворные мероприятия, наставляли их добросовестно выполнять свои обязанности: развлекать дам, участвовать во всех танцах, безукоризненно соблюдать этикет. Малейшее нарушение этих правил могло вызвать недовольство не только полкового начальства, но и самого императора. Офицеры являлись на бал с оружием, которое оставляли в передней у швейцара — появиться в бальной зале со шпагой этикетом категорически воспрещалось. Также строго воспрещалось иметь на обуви шпоры (хотя ещё во времена Александра I их наличие было не только разрешено, но и являлось атрибутом военного щегольства).

Такая регламентация бальных мероприятий сохранялась на протяжении всего XIX в. Начало XX в. было ознаменовано рядом военных и социальных потрясений: русско-японская война, первая русская революция, Первая мировая война — поэтому в бальной культуре этого времени наступает некоторое затишье. Самыми яркими событиями стали празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия дома Романовых, отмечавшиеся широко и с размахом и включавшие в себя целый ряд мероприятий: во всех городах империи в храмах служили благодарственные молебны, проходили войсковые парады местных гарнизонов, давались торжественные обеды и приёмы губернаторами и градоначальниками, устраивались исторические выставки, народные гуляния и, конечно, балы.

Последний бал при дворе русского императора состоялся в феврале 1914 г., а уже летом страна вступила в Первую мировую войну, потребовавшую мобилизации не только военных сил, но и значительной части мирного населения. Бальная жизнь замирает — даже семейные праздники больше не отмечаются с былым размахом: считается неприличным проводить время в увеселениях в такое тяжёлое для страны время. Война, а затем и грянувшая за ней революция 1917 г. положили конец не только бальной культуре, но и всей Российской империи.

Таким образом, на протяжении более чем двух веков бал представлял собой один из основных факторов жизни русского офицерства, неотъемлемую часть социокультурной реальности военной службы. Наполненная официальными правилами этикета и неписаными традициями, танцевальная культура организовывала и воспитывала не меньше, чем уставные порядки, развивая и укрепляя общественное положение офицеров. Балы являлись важным элементом не только празднично-досуговой сферы, но и серьёзным воспитательным фактором социокультурного становления офицерства.

---

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX вв.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. С. 91.

² Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX вв. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 221.

³ Цит. по: Куриев М. М. Герцог Веллингтон. М.: Радикс, 1995. С. 152.

⁴ Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары / Сост. В. П. Польшовская. М.: Россия, 1991. С. 126—128.

⁵ Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX вв. Танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф, 2011. С. 45.

⁶ Воронович Н. В. Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891—1920. М.: Воениздат, 2001. С. 212.

⁷ Трубецкой В. С. Записки кирасира. С. 125.

⁸ Воспоминания Д. А. Скалона // Русская старина. 1907. Т. 132. № 11. С. 79—81; 1908. Т. 133. С. 69—70; Т. 134. № 4. С. 185—195.

⁹ Кулябка К. Ф. Воспоминания старого орловца // Русская старина. 1908. Т. 135. № 8. С. 367—381.

¹⁰ Культура университетского бала: монография / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 139—144.

¹¹ Там же. С. 213—214.

¹² Колокольцев Д. Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера. 1831—1846 // Русская старина. 1883. Т. 38. № 5—6. С. 614—615.

¹³ Цит. по: Культура университетского бала... С. 219.